

DOI 10.31483/r-104669

**«ДУША ЖЕ У НАС ГУЛЯЕТ ВО СНЕ ВЕЗДЕ, И Я БЫВАЮ И ДОМА»:
О ЯЗЫКЕ СНОВИДЕНИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЧУВАШСКОЙ И
МАРИЙСКОЙ ДИАСПОР МОСКОВСКОГО РЕГИОНА**

Аннотация: В статье рассматривается одна из наиболее интересных и малоисследованных функций этнического языка в условиях внутренней диаспоры – язык сновидений. Цель автора заключается в том, чтобы, опираясь на данные собственных полевых исследований, выявить тематику и ситуации, в которых языком сновидений для представителей диаспоры выступает именно этнический язык. В настоящей работе используются данные, полученные автором в ходе проведения социолингвистических обследований в двух диаспорах Московского региона: в чувашской (выборка составила 100 человек) в 2014–2017 гг. и марийской (выборка включила 106 человек) в 2019–2021 гг. Оба обследования были посвящены выявлению и описанию функционирования этнического языка, его взаимодействию с русским языком в контексте полилингвального и поликультурного пространства Московского региона. В результате исследования автором выявлено, что некоторой части опрошенных (27% в чувашской выборке в первом поколении и 49% в марийской) доводится видеть сны на этническом языке. Эти сны тесно коррелируют, по мнению респондентов, активно владеющих языком, с тематикой самих сновидений и связаны с родными и близкими на малой родине (часто – с ушедшими из жизни, предками), с определенным местом или событием на малой родине. Кроме того, сны на «своем» языке приходят и в эмоционально нагруженных ситуациях, например, в состоянии стресса. Лица, слабо владеющие этническим языком (уроженцы городской среды, а также большинство представителей второго поколения в выборке), практически не фиксируют снов на нем. Автором делается вывод о глубинной связи данной функции с другими функциями этнического языка – коммуникативной и сакральной. Кроме того, в ней находят отражение и некоторые языковые идеологии, негласно господствующие в данных языковых сообществах.

Ключевые слова: чувашский язык, марийский язык, этнический язык, внутренняя диаспора, Московский регион, функции языка, язык снов.

«IN DREAMS THE SOUL TRAVELS EVERYWHERE, AND SOMETIMES BACK TO OUR SMALL NATIVE LAND»: THE LANGUAGE OF DREAMS OF REPRESENTATIVES OF THE CHUVASH AND MARI DIASPORAS OF THE MOSCOW REGION

***Abstract:** The article deals with one of the most interesting and fairly unstudied functions of the ethnic language in the conditions of the internal diaspora – the language of dreams. Based on the data of her own field research, the author’s goal is to identify the topics and situations in which the representatives fix their dreams in their ethnic languages. In the present article the author uses the data obtained as a result of the sociolinguistic surveys conducted in two diasporas of the Moscow region: the Chuvash diaspora (the sample was 100 people) in 2014–2017, and in the Mari diaspora (the sample included 106 people) in 2019–2021. Both surveys were devoted to identifying and describing the functioning of the ethnic language, its interaction with the Russian language in the context of the multilingual and multicultural space of the Moscow region. The results, obtained in the surveys, reveal that 27% of respondents in the Chuvash sample and 49% in the Mari in the first generation have dreams in their respective ethnic languages. These dreams are closely correlated, according to the respondents, fluent speakers, with the subject of dreams and are associated with relatives and friends in their small homeland (often with deceased ancestors), with a certain place or event in the small homeland. In addition, dreams in «their» language also come in emotionally loaded situations, for example, in a state of stress. Respondents with a poor command of an ethnic language (natives of urban settings, as well as the majority of second-generation representatives in the sample) practically do not record dreams in their ethnic language. The author concludes that this particular function is deeply connected with some other functions, such as a communicative or a sacred one in addition, it reflects certain linguistic ideologies that are discretely dominant in these linguistic communities.*

Keywords: *Chuvash language, Mari language, ethnic language, internal diaspora, Moscow region, functions of the language, language of dreams.*

Введение

Чуваши и марийцы, коренное население Среднего Поволжья, являются титульными этносами в соответствующих территориально-административных образованиях – Чувашской Республике (доля чувашского населения достигает 67,7% от всего населения республики) и Республике Марий Эл (доля марийского населения составляет 41,8% от населения РМЭ) [Всероссийская]. Вместе с тем, в силу исторических причин (об этом см.: Иванов, 2005; Сепеев, 2006) чувашей и марийцев отличает сильная диаспоризация: за пределами Чувашской Республики проживает 621122 представителя чувашского этноса (43,3%), вне Республики Марий Эл расселены 46,9% марийцев (256742 человека) [Всероссийская], как компактными, так и дисперсными группами, образуя на территории многонационального государства внутреннюю диаспору за пределами основного места компактного проживания этноса [Словарь, 2006, с. 57]. С точки зрения языка, важными признаками внутренней диаспоры являются постоянная связь с малой родиной, а значит, периодическое использование этнического языка; кроме того, важен тот факт, что члены диаспоры изучали в системе школьного образования в качестве государственного язык, ставший для них основным [Куцаева Функционирование, 2020, с. 25].

В Московском регионе, согласно данным переписи населения 2010 г., зафиксировано 26779 чувашей и 4655 марийцев, из них среди чувашей о владении этническим языком заявили 10763 человека (доля владеющих языком составила 40,2%), среди марийцев – 1675 человек (доля владеющих – 35,6%) [Всероссийская]. Отметим, однако, что владение конкретным языком, зафиксированное переписью, и способность говорить на нем не всегда коррелируют [Беликов, 2020, с. 17].

Методы

В 2014–2017 гг. в рамках написания кандидатской диссертации автором настоящей работы было проведено социолингвистическое обследование в чувашской диаспоре Московского региона: выборка включила 85 представителей первого поколения диаспоры и 15 второго, все респонденты идентифицировали себя в качестве этнических чувашей (об этом см.: Куцаева *Функционирование*, 2020, с. 35–39). Цель исследования заключалась в выявлении и описании функционирования этнического языка в условиях внутренней диаспоры. Анкета содержала 30 вопросов, которые в общих чертах были разделены на следующие крупные блоки: 1) паспортный блок; 2) первый лингвистический блок (имеющий целью составление лингвистической биографии респондента); 3) второй лингвистический блок (нацеленный на получение сведений об актуальном употреблении этнического языка относительно сфер использования и функций языка); 4) отдельный блок, посвященный «языку-в-культуре» (термин заимствован у: Fishman 1991, с. 17).

Методами сбора материала стали наблюдение, в том числе включенное (при котором исследователь становится частью группы, например, при посещении культурно-досуговых мероприятий, организованных сообществом или землячеством), структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных. Кроме того, автором предварительно была проведена серия пилотных интервью (рис. 1), подробности и нюансы данного обследования освещены нами в: Kutsaeva 2021.

Методика, впервые заданная автором и апробированная в ходе написания и защиты кандидатской диссертации на тему «Функционирование чувашского языка в диаспоре Московского региона», позже была использована при проведении социолингвистического обследования в марийской диаспоре Московского региона. Выборка в первом поколении также является репрезентативной, в нее вошли сто человек – уроженцы Республики Марий Эл и районов компактного проживания мари на территории Российской Федерации; во втором поколении выборка составила шесть человек.

Единственным отличием данного обследования от предыдущего стала корректировка в методах сбора материала, допущенная исследователем с конца марта 2020 г. ввиду резкого ухудшения эпидемиологической ситуации в связи с распространением COVID-19, что вызвало необходимость заменить непосредственное общение с респондентом вживую на дистанционное – по телефону [Куцаева Об опыте, 2020, с. 105]. Возможно, экстраординарные условия карантина, при которых существенно сократились, а в некоторых случаях прекратились вообще контакты и взаимодействие с внешним миром, нарастание страхов, вызванных пандемией, неизбежная переоценка ценностей способствовали тому, что беседы с респондентами в марийском обследовании носили более камерный, доверительный характер (по телефону дома), нежели в чувашском, в ходе которого интервью с респондентами проводились в том числе в общественных местах (кафе, парках, на культурно-массовых мероприятиях). В целом, это не повлияло на качество обследования, однако, обусловило некоторую разницу в полученных результатах при сопоставительном анализе данных в чувашской и марийской выборках – именно в отношении интересующего нас аспекта (языка сновидений).

Результаты исследования

Один из вопросов в третьем блоке анкеты, предложенный автору материалов научным руководителем доктором филологических наук Т. Б. Агранат и, кажется, впервые вошедший, таким образом, в проблематику подобных обследований, был сформулирован следующим образом: на каком языке вам снятся сны?

Прежде всего отметим, что значительное число респондентов (преимущественно мужчины разных возрастных когорт в обеих выборках) признались, что они не видят сны, не помнят их содержания, прежде об этом не задумывались, никогда не анализировали, часто забывают сны. «Редко сны снятся, если честно. Устаешь как собака. Глаза закрыл – открыл, и даже не могу ничего сказать» (М., I, №97, М., 36)¹. Сны приходят «без языка», «без разговора», «без слов, просто

¹ Здесь и далее в скобках последовательно приводятся следующие сведения: 1) диаспорная группа в исследовании (М. – марийская, Ч. – чувашская), 2) поколение диаспоры, 3) номер анкеты респондента, 4) пол респондента, 5) возраст респондента.

картина какая-то», «образами, мыслеформами», «символами и рисунками», «без звуков».

Часть опрошенных в первом поколении (как мужчины, так и женщины разных когорт) заявили о том, что видят сны на русском языке. Большинство из них являются уроженцами городской среды (город и поселки городского типа, далее – пгт) в Чувашской Республике и Республике Марий Эл, а также в марийском обследовании это и некоторые внереспубликанские марийцы (уроженцы пгт). Доминирующим языком общения в городской среде де-факто выступал русский язык, он же является для респондентов функционально первым, поскольку первичная социализация осуществлялась на русском языке, русский выступал языком воспитания в дошкольных учреждениях и далее языком обучения в школе (языковые биографии респондентов рассматривались нами в: Куцаева 2017; Куцаева 2018; Куцаева 2022). «Естественно, только по-русски» (Ч., I., №21, Ж., 55). «Я же в русском классе учился. Наверное, на русском думаю. Сны тоже на русском» (Ч., I., №83, М., 27). «На русском. Я уже сформировалась как человек на русском» (М., I., №50, Ж., 53). «На русском. Ну, я русскоязычный, поэтому без вариантов» (М., I., №66, М., 42).

В целом респонденты в этой группе неоднократно подчеркивали вполне естественную, по их мнению, корреляцию между языком, на котором они осуществляют мыследеятельность, и языком сновидений. Одна респондентка даже выразила сомнение в том, возможно ли видеть сны на каком-то ином языке, кроме русского: «Неужели может быть такое, чтобы на марийском? Но, наверное, в принципе, может быть у кого-то» (М., I., №19, Ж., 53). Другой респондент высказал следующее предположение: «На марийском, наверное, снится тем, кто изначально на нем был с детства» (М., I., №59, М., 41) – с этим вполне согласуются и полученные нами сведения (исходя из социолингвистических портретов наших респондентов).

Рис. 1. Интервью с респондентом. Фото из личного архива автора.

Некоторой части опрошенных в выборке, по их воспоминаниям, доводилось прежде видеть сны на «своем» языке. В эту группу мы отнесли как мужчин, так и женщин самых разных когорт в выборках. Они достаточно четко фиксировали в своих языковых биографиях момент перехода на «большой» язык даже в такой функции языка, как язык сновидений. Смена языка в их лингвистических биографиях была обусловлена учебой в вузе или техникуме, распределением в качестве молодых специалистов в Московский регион, а также межэтническим браком и проживанием вне малой родины (ср. исследования по некоторым другим языкам (например, по каталонскому), которые также свидетельствуют о смене языка общения в определенные периоды жизни – обучение в университете, поступление (см.: Алос-и-Фонт 2015, с. 15).

«А сны начались на русском, это я хорошо запомнил. Это после второго-третьего курса. Когда я, помню, теорию поля изучал, я на русском как бы уже

экзамен сдавал, на русском языке говорил. И вот уже потом, постепенно-постепенно, к концу института я уже на русском думал и со всеми говорил на русском языке. Сны мне очень сильно снились, экзамены там сдавал, ну и на бытовые темы, естественно, с девчатами там на русском говорили!» (смеется) (Ч., I., №19, М., 62). «Мне сны снятся на русском уже. А раньше на чувашском, конечно. А перелом, наверное, был, когда уже оторвался. Когда сюда приехал, женился, я тут все уже на русском» (Ч., I., №25, М., 62). «Я в восемнадцать лет вот полностью уже стала на русском языке. А сны сейчас, конечно, снятся на русском языке. А бывали и на чувашском. Иногда, конечно, снится и в Чувашии, и деревни, ну тогда на русском все равно» (Ч., I., №29, Ж., 45). «Сны на русском, наверное. Скорее всего больше думаю на русском, потому что... я же сейчас в обществе русских живу, и как бы надо думать, где живешь так же, как они. Вот» (М., I., №35, М., 28).

В настоящее время сны на этническом языке непосредственно доводится видеть 27% опрошенных в чувашской выборке в первом поколении и 49% в марийской (различие в результатах, с большой долей вероятности, обусловлено, как было указано выше, эпидемиологическими обстоятельствами, в которых проводилась значительная часть обследования в марийской диаспоре (ковид-карантин и, соответственно, интервью с респондентами по телефону, что, возможно, располагало к более длительным и доверительным беседам в таких экзистенциальных условиях).

Степень интенсивности, с которой опрошенные видят сны на этническом языке, колеблется. К одним такие сны приходят (или приходили) часто («Вы знаете, я как приехала в Москву, то почти всегда – каждую ночь – я бываю у себя на родине и общаюсь со своими родными» (М., I., №29, Ж., 53), что связано с тоской по малой родине («Было, наверное, что-то на марийском. Сейчас все-таки больше на русском. Когда приехал с деревни, у меня первое время была ностальгия. Иногда бывает, что вспомнишь, как там было и как там разговаривали. И раз – во сне приснится!» (М., №52, М., 56). Другим они снятся крайне редко: «Ну

на 90 процентов сны на русском, конечно. Ну а душа же у нас гуляет во сне везде, и я бываю и дома. В-общем-то, так что на марийском тоже» (М., №12, Ж., 50).

По свидетельству опрошенных, сны на марийском или чувашском языке связаны, во-первых, с малой родиной, как правило, с деревней, в которой прошли детские годы респондента: «какие-то деревенские моменты», «снится вся деревня, вот именно самое раннее детство снится», «снится именно старый деревянный дом, пятистенки, которого давно уже нету», «если во сне я дома», «родина», «деревня, дом, моя школа», «ну где-то старые места, луга, подгоры, маленькие горы такие у нас есть».

Во-вторых, сны воспринимаются респондентами именно как чувашские или марийские, когда они видят своих родных и близких: «Если родители, естественно, и на чувашском могут сниться. Свекровь может на чувашском сниться и по-чувашски разговаривать» (Ч., I., №7, Ж., 35). «На марийском, я думаю, если мама снится, потому что я все время с мамой разговариваю на марийском» (М., I., №77, Ж., 27).

Много чаще, кажется, сны на своем языке приходят, когда опрошенные видят во сне ушедших родственников. «Когда снятся предки, родители, родственники, однозначно все уже с марийским» (М., I., №98, М., 60). «Всё, что связано там с покойными, они стопудово со мной на марийском разговаривают» (М., I., №69, Ж., 32). «На марийском, потому что приснился тот человек, который умер. То есть на марийском с одним из представителей нашего рода» (М., I., №28, М., 47).

В-третьих, сон на марийском может быть связан с текущей бытовой ситуацией, однако эмоционально насыщенной (в случае активно владеющих языком). «Бывает на марийском. Я как-то такая – просыпаюсь и мужу говорю по-марийски: «Ты на работу не опаздываешь? Чего ты спишь?». А он глаза открывает на меня, смотрит на меня – не поймет, что я ему говорю» (М., I., №94, Ж., 36).

Владеющие языком пассивно (в выборке уроженцы пгт) отметили, что сны на марийском они видят крайне редко, во сне являются ушедшие родственники, представители старшего поколения. «Сны ... очень мало на марийском языке. В

основном на русском. Марийские слова – это когда я вижу своих родных, уже умерших. Вижу свою маму. Вижу свою тетю. Вижу своих родных. Вот они, больше они. И то – я не разговариваю, я их понимаю. И я понимаю, что они разговаривают со мной именно на марийском языке. Не на русском, а на марийском языке» (М., I, №48, Ж., 51). Кроме того, сняты мероприятия, связанные с этнической культурой: «Пять процентов могут быть на марийском, ну если кто-нибудь там стоит и кричит на марийском, вдалеке музыка какая-нибудь играет, если какой-нибудь известный человек будет выдавать» (М., I, №42, М., 29).

Что касается представителей второго поколения, то сны на этническом языке были отмечены лишь двумя опрошенными из пятнадцати в чувашской выборке и ни одним опрошенным в марийской. «У меня даже сны бывают на чувашском языке! *(смеется)*. Ну это один раз было! Там слова были чувашские!» (Ч, II, №10, Ж., 45).

Межпоколенная передача этнического языка в обеих выборках является крайне слабой, о чем мы указывали в: Куцаева Межпоколенная, 2020; Куцаева Раннее, 2021. Факторы, препятствующие трансмиссии языка, включают в себя негативные аттитюды (негативное отношение к языку), питающие их языковые идеологии и как итог – усвоенные опрошенными на малой родине речевые практики. Данные факторы оказывают более сильное влияние на респондентов-представителей первого поколения при выборе / невыборе языка первичной социализации их детей-представителей второго поколения, чем факторы, вроде бы способствующие, по мнению членов диаспоры, передаче языка (пребывание в этнической деревне летом, внутрисемейное бытовое общение в Московском регионе, культурные формы на этническом языке).

Очевидно, что функция языка сновидений глубинно связана с другой функцией – коммуникативной, а кроме того, согласно результатам в марийской выборке, и в некоторых случаях – с сакральной: «Сны, бывает, сняты. Конечно, потом, уже когда очень тяжело, я могу защиту ставить, энергетику вокруг себя. Начинаю на марийском, я там уже с Богом немножко разговариваю» (М., I, №6,

М., 49). Респондент, указавший на сакральный характер «марийских» снов, является луговым марийцем, приверженцем марийской традиционной религии: в отличие от чувашей и горных марийцев, рано принявших христианство, луговым мари удалось сохранить древние марийские верования (об этом см.: Шкалина 2019).

Обсуждение

подавляющее большинство респондентов, которые, по их утверждению, видят сны на этническом языке, охарактеризовали их так: «это сны вперемешку», «и так, и так», имея в виду, что чувашский или марийский языки в общей массе их снов фигурируют наряду с русским. Анализ результатов ответов в обеих выборках позволил выявить некоторые корреляции в использовании чувашского / марийского и русского в функции языка сновидений по следующим параметрам (приводится в списке ниже):

1) этническая принадлежность адресантов: свои / чужие: «Вот сны тоже по-разному. Когда как. Если своих вижу, там – родственников, то на марийском, а так – если чужих, то на русском» (М., №73, I., М., 38). «Смотря какие люди. Если русские, то, естественно, говорю во сне по-русски. Если чуваша, то по-чувашски» (Ч., I., №46, Ж., 25);

2) возраст адресанта: представитель старшего / младшего поколения: «То есть если мама будет снится, то на марийском. Но если там будет муж и дочка, если все там будут, то скорее всего будет русский. Как-то так» (М., I., №32, Ж., 37);

3) место общения: малая родина / Московский регион: «Если я нахожусь там, бывает такое – сны. Я где-то там, я на родине, и окружение мое – мама, папа, люди, с которыми я общалась ранее, – понятно, что общение будет на марийском. А если что-то где-то здесь, с кем я разговариваю, то на русском» (М., I., №32, Ж., 37).;

4) место общения на малой родине: городская / сельская среда: «На марийском опять же во сне где бываю. Если в городе, то по-русски. Если в деревне,

наверное, это уже однозначно по-марийски получается» (М., I., №26, Ж., 60).
«Когда я в деревне хожу, естественно, марийский» (М., I., №57, Ж., 38);

5) время (прошлое / настоящее): «Если детство всплывает, то на марийском, а какие-то нынешние ситуации, люди, с кем я общаюсь, они вот на русском, собственно, и снятся» (М., I., №1, Ж., 27);

б) тональность общения (официальная / нейтральная): «Ну с родителями на марийском. А если такое вот по работе что-то снится или мысли такие, то на русском» (М., I., №23, М., 44);

7) тема – бытовая / рабочая: «Про деревню на чувашском, о работе здесь – на русском» (Ч., I., №80, Ж., 52).

Ситуации, развертывающиеся в сновидениях, со всей очевидностью калькируют коммуникативные ситуации, которые имеют место в действительности, свидетельствуют о типовых речевых практиках, а на более глубинном уровне – лежащих в основе языкового поведения респондентов идеологий, негласно господствующих в данных языковых сообществах. Рассмотрим подробнее некоторые из обозначенных выше пунктов.

Доминирующим (основным) языком в Московском регионе для респондентов является русский, этнический язык приобретает статус дополнительного [Куцаева Функционирование, 2020, с. 123]. К дополнительному языку билингвы прибегают реже и в социально менее значимых ситуациях [Беликов, Крысин, 2016, с. 18] (см. пункты 3, 6 и 7 в приведенном выше списке).

Изменение любого компонента коммуникативной ситуации (ситуативной переменной): говорящий (адресант), слушающий (адресат), отношения между ними, тональность общения, место общения и др. – приводит к изменению самой коммуникативной ситуации, а значит, к варьированию языковых средств, используемых участниками ситуации, и их коммуникативного поведения в целом [Беликов, Крысин, 2016, с. 46]. Так, переключение кодов у активно владеющих языком в чувашской выборке обусловлено сменой коммуникантов, изменением условий коммуникации и темой общения [Куцаева Функционирование, 2020,

с. 124]. Впрочем, второй язык может выполнять функцию основного даже в этнически однородной коммуникативной среде [Беликов, Крысин, 2016, с. 18] – например, в марийской диаспоре основным языком общения среди представителей всех трех субэтнических групп мари (горных, луговых и восточных) преимущественно выступает русский [Куцаева Функции, 2021, с. 60], вследствие низкой, по свидетельству опрошенных, взаимопонимаемости между идиомами марийского. Переключение кодов, следовательно, мотивировано: оно обусловлено стремлением удовлетворить свои коммуникативные запросы и исключить коммуникативную неудачу [Беликов, Крысин, 2016, с. 22, 24] и связано с двумя противоположными человеческими потребностями – потребностью идентичности (использование языка своего этноса, своей культуры) и потребностью взаимопонимания [Алпатов, 2014, с. 11–12] (см. пункт 1 в списке).

Между тем существенное влияние на языковой выбор оказывают языковые идеологии, которые выражаются и материализуются в форме языковых аттитюдов (последние представляют собой «мостик» между идеологиями и выбором языка) [Dołowy-Rybińska, Hornsby, 2021, с. 106]. Языковые идеологии – это набор убеждений о языке, разделяемых членами сообщества; поскольку эти убеждения глубоко укоренились, их происхождение зачастую забывается самими говорящими, в результате чего эти убеждения социально воспроизводятся и воспринимаются в качестве естественных и здравых суждений, маскируя процессы социальной конструкции в действии [Smith-Christmas, Murchadha, Hornsby, Moriarty, 2018, с. 25]. Языковые идеологии касаются не только языка, они устанавливают связи языка с идентичностью, эстетикой, моралью и эпистемологией, через эти связи укрепляется само понятие личности и социальной группы [Woolard, 1998, с. 3].

Одной из распространенных языковых идеологий является так называемая идеология языка-местности, фактически приковывающая язык и к местности, в которой он традиционно употреблялся – именно в этом месте и только в нем на данном языке разговаривают [Smith-Christmas, Murchadha, Hornsby, Moriarty, 2018, с. 143]. Так, несмотря на то, что билингвизм представляет собой широко

распространенное явление в Чувашской Республике, в условиях города наблюдается более интенсивное использование билингвами русского языка, который занимает место функционально первого языка, чувашский язык, употребляемый в неофициальной коммуникации, становится функционально вторым, тогда как в условиях села в чувашских районах республики распространено в большей степени, нежели в городской среде или районах с преобладанием русского населения [Фомин, 2016, с. 828–829] (о языковом сдвиге в районных центрах Чувашии см.: Алос-и-Фонт, 2015, с. 25–33).

О своих речевых практиках (в частности, о неуместности использования чувашского или марийского в городе (Чебоксарах и Йошкар-Оле) неоднократно говорили и сами респонденты. «[В школе] я как бы сам разговаривал на марийском, некоторые там чего-то смеялись... типа: «Ага, ага!». А я говорю: «А чего такого?». Было странное такое отношение – вроде в Йошкар-Оле жили, в Марий Эл» (М., I., №46, М., 30). «А так, если в городе я захожу в магазин – в Чебоксарах, допустим, – я по-чувашски ни к кому не обращаюсь. Да это практически все так! Потому что принято по-русски» (Ч., I, №15, 59) (подробнее об этом см.: Куцаева *Функционирование*, 2020, с. 119; Куцаева *Марийцы*, 2020, с. 131).

С одной стороны, стремление употреблять русский язык в городской среде обусловлено, по мнению респондентов, этническим составом городского населения («А если я не знаю, она чувашский знает или нет, я, естественно, по-русски обращаюсь. Просто если они не знают?» (Ч., I, №15, 59) (однако напомним, что в Чебоксарах, где проживает 37% населения Чувашской Республики, более 60% городских жителей составляют именно чувашаи) [Алос-и-Фонт, 2015, с. 46].

С другой стороны, респонденты осознают более высокий престиж русского (доминирующего) языка и более низкий – чувашского (титульного). Язык прочно увязывается с социальным, экономическим или иным статусом говорящей на нем группы [Вахтин, Головки, 2004, с. 117], а значит, отношение между языком и местом существует не просто как ассоциация между языком и географической территорией, но охватывает связь между местом и особой социо-исторической траекторией [Smith-Christmas, Murchadha, Nornsby, Moriarty, 2018,

с. 143] (о стереотипах в отношении чувашского см.: Алос-и-Фонт 2015, с. 16–17; о стигматизации марийского см.: Куцаева Марийцы 2020, с. 131–132). Отсюда не удивительно, что даже в снах респондентов соблюдаются четкие границы в дистрибуции языков относительно места (пункт 4 в списке).

Как было упомянуто выше, межпоколенная передача языка в обеих выборках очень слабая, чувашский или марийский используются опрошенными в собственно коммуникативной функции с ровесниками или представителями старшего поколения [Куцаева Функции, 2021, с. 59–60]. В общении с детьми опрошенные используют этнический язык спорадически, в некоторых функциях. Во-первых, в конспираторной функции (секретный язык) – чаще против детей, чтобы последние не поняли предмета разговора между взрослыми (что, впрочем, не всегда работает: «Но хорошо, что я его понимаю, он мне интересен, он мне нужен! Ну, чтобы понять, что, может, от меня родители скрыли что-нибудь» (Ч., П., №31, Ж., 35), реже – с ребенком, чтобы скрыть информацию от третьего лица, который не владеет данным языком («Раньше мы так сидели во дворе, допустим, от русских» (Ч., П., №10, Ж., 46). Во-вторых, в эмоциональной функции: «Только в шутку что-то ему говорю. Потому что он потом переспрашивает, не понимает» (М., I., №76, Ж., 38). При этом к использованию чувашского или марийского в собственно коммуникативной функции опрошенные практически не прибегают. Одна из причин заключается в сохранении респондентами негативных аттитюдов в отношении своих языков, в большинстве случаев это сознательная передача языка; следовательно, речь идет о глубинном влиянии языковых идеологий, что не может не найти отражения в языках снов респондентов (см. пункт 2 нашего списка).

Выводы

Как видим, сны на этническом языке, которые сняты части опрошенных в обеих выборках, в основном – активно владеющим языком, как правило, связаны с родными и близкими, а также с определенными местами или событиями на малой родине. Подчеркнем, во-первых, глубинную связь функции языка сновидений с другими функциями языка – коммуникативной и сакральной; во-вторых,

определенное влияние, которое оказывают языковые идеологии на дистрибуцию языков в снах на «своих» языках.

В заключение отметим, что язык сновидений представляет собой весьма неожиданную составляющую языковой личности билингвов [Фомин, 2021: 60], в данной статье намечены самые общие места, и эта, безусловно, интереснейшая область изучения пока лишь ждет своего исследователя для дальнейшей проблематизации и конкретизации.

Список литературы

1. Алос-и-Фонт Э. Исследование языковой ситуации в Чувашской Республике : сборник статей / под редакцией И. И. Бойко и А. В. Кузнецова. – Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2015. – 324 с.

2. Алпатов В. М. Языковая политика в России и мире // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. – Москва : Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, 2014. – С. 11–23.

3. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика : учебник для бакалавриата и магистратуры. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва, 2016. 337 с.

4. Беликов В. И. Многоязычный Дагестан: лингводемографический комментарий к Всероссийской переписи населения-2010 // Малые языки в большой лингвистике. – Москва : Буки Веди, 2020. – С. 16–24.

5. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. – Москва : Гуманитарная академия, 2004. – 388 с.

6. Всероссийская перепись населения 2010 года. – URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения : 05.12.2022). – Текст : электронный.

7. Иванов В. П. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. – Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2005. – 383 с.

8. Куцаева М. В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре Московского региона (I) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2017. – Том 16, №9 : Филология. – С. 156–164.
9. Куцаева М. В. Количественное распределение активных и пассивных билингвов в чувашской диаспоре Московского региона (II) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. – 2018. – Том 17, №2: Филология. – С. 90 – 98.
10. Куцаева М. В. Марийцы Москвы: этническая идентичность и языковая лояльность в условиях внутренней диаспоры // Родной язык. – 2020. – №2. – С. 124–150.
11. Куцаева М. В. Межпоколенная передача этнического языка в условиях чувашской диаспоры Московского региона // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур. – Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2020. – С. 390 -397.
12. Куцаева М. В. Об опыте социолингвистического обследования в марийской диаспоре Московского региона // Малые языки в большой лингвистике. – Москва : Буки Веди, 2020. – С. 104–111.
13. Куцаева М. В. Раннее освоение этнического языка в марийской диаспоре Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – Выпуск 3. – С. 49–58.
14. Куцаева М. В. Функции этнического языка в марийской диаспоре Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2021. – Выпуск 4. – С. 58–72.
15. Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре Московского региона. – Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 312 с.

16. Куцаева М. В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры Московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. – 2022. – №1. – С. 116–153.

17. Сепеев Г. А. История расселения марийцев. – Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, 2006. – 198 с.

18. Словарь социолингвистических терминов / ответственный редактор В. Ю. Михальченко. – Москва : [без издательства], 2006. – 312 с.

19. Фомин Э. В. Рецензия на: Куцаева М. В. Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре Московского региона. – Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. – 312 с. // Этническая культура. – 2021. – Т. 3, №. 2. – С. 59–60.

20. Фомин Э. В. Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество : энциклопедия. – Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2016. – С. 824–833.

21. Шкалина Г. Е. Священный мир марийский. – Йошкар-Ола : Марийское книжное издательство, 2019. – 303 с.

22. Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // Olko J., Sallabank J. Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide. – Cambridge: Cambridge University press, 2021. – P. 104–116.

23. Fishman J. Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. – Clevedon : Multilingual Matters., 1991. – Volume 76. – 431 p.

24. Kutsaeva M. V. A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region // Strategies for Knowledge Elicitation. – Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2021. – P. 5–99.

25. Smith-Christmas C., Murchadha N. P. O., Hornsby M., Moriarty M. New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 295 p.

26. Woolard K. A. Introduction: Language Ideology as a Field of Inquiry // Schieffelin B. B., Woolard K. A., Kroskrity P. V. Language Ideologies: practice and theory. – New York, Oxford : Oxford University Press, 1998. – P. 3–47.

References

1. Kuznetsova, V. Alos-i-Font E. Issledovanie iazykovoi situatsii v Chuvashskoi Respublike : sbornik statei., 324.
2. Alpatov, V. M. (2014). Language policy in the Russian Federation and in the world. Iazykovaia politika i iazykovye konflikty v sovremennom mire, Moskva : Nauchno, , 11-23. RAN.
3. Belikov, V. I., & Krysin, L. P. (2016). Sotsiolingvistika., 337. Moskva.
4. Belikov, V. I. (2020). Mnogoiazychnyi Dagestan: lingvodemograficheskii kommentarii k Vserossiiskoi perepisi naseleniia-2010. Malye iazyki v bol'shoi lingvistike, 16-24. Moskva: Buki Vedi.
5. Vakhtin, N. B., & Golovko, E. V. (2004). Sotsiolingvistika i sotsiologiya iazyka., 388. Moskva: Gumanitarnaia akademiia.
6. Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda. Retrieved from https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf
7. Ivanov, V. P. (2005). Etnicheskaia geografiia chuvashskogo naroda. Istoricheskaia dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniia., 383. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
8. Kutsaeva, M. V. (2017). Types of bilingualism and their quantitative distribution in the Moscow region diaspora group (I). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriia, filologiya, Tom 16, 9 : Filologiya, 156-164.
9. Kutsaeva, M. V. (2018). Types of bilingualism and their quantitative distribution in the Moscow region diaspora group (II). Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya : Istoriia, filologiya, Tom 17, 2: Filologiya, 90-98.
10. Kutsaeva, M. V. (2020). Mairs in Moscow: diaspora ethnic identity and language loyalty. Rodnoi iazyk, 2, 124-150.

11. Kutsaeva, M. V. (2020). Mezhpokolennaia peredacha etnicheskogo iazyka v usloviakh chuvashskoi diaspory Moskovskogo regiona. Aktual'nye voprosy issledovaniia i prepodavaniia rodnykh iazykov i literatur, 390-397. Cheboksary: Izdatel'skii dom "Sreda".

12. Kutsaeva, M. V. (2020). Ob opyte sotsiolingvisticheskogo obsledovaniia v mariiskoi diaspre Moskovskogo regiona. Malye iazyki v bol'shoi lingvistike, 104-111. Moskva: Buki Vedi.

13. Kutsaeva, M. V. (2021). Early ethnic language acquisition in Moscow region Mari diaspora. Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovani, Vypusk 3, 49-58.

14. Kutsaeva, M. V. (2021). Functions of the ethnic language in the Mari diaspora of the Moscow region. Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovani, Vypusk 4, 58-72.

15. Kutsaeva, M. V. (2020). Funktsionirovanie etnicheskogo iazyka v chuvashskoi diaspre Moskovskogo regiona. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia.

16. Kutsaeva, M. V. (2022) Language biographies of the Maris of the Moscow region – the natives of the areas where the Meadow Mari language is spoken in the Republic of Mari El. Uralo-altaiskie issledovaniia, 1, 116-153.

17. Sepeev, G. A. Istoriia rasseleniia mariitsev., 198.

18. Mikhal'chenko, Iu. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov., 312.

19. Fomin, E. V., & Kutsaeva, M. V. (2021). Review: Kutsaeva M. V. (2020). Functioning of the ethnic language in the Chuvash diaspora of the Moscow region, 312. Etnicheskaiia kul'tura, T. 3, . 2, 312. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia.

20. Fomin, E. V. (2016). Iazykovaia situatsiia v Chuvashii. Iazyk i obshchestvo, 824-833. Moskva: Izdatel'skii tsentr "Azbukovnik".

21. Shkalina, G. E. (2019). Sviashchennyi mir mariiskii., 303. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.

22. Dolowy-Rybinska, N., & Hornsby, M. (2021). Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation. Olko J., Sallabank J. Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide, 104. Cambridge: Cambridge University press.

23. Fishman, J. (1991). *Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages.*, 76. Clevedon: Multilingual Matters.

24. Kutsaeva, M. V. (2021). *A Sociolinguistic Survey of an Internal Diaspora: Field Research of a Chuvash Diaspora Group in the Moscow Region. Strategies for Knowledge Elicitation*, 5. Cham: Springer Nature Switzerland AG.

25. Smith-Christmas, C., Murchadha, N. P., Hornsby, M., & Moriarty, M. (2018). *O., New Speakers of Minority Languages. Linguistic Ideologies and Practices*. London: Palgrave Macmillan.

26. Woolard, K. A. (1998). *Introduction: Language Ideology as a Field of Inquiry*. Schieffelin B. B., Woolard K. A., Kroskrity P. V. *Language Ideologies*, New York, Oxford: Oxford University Press.